

ФИЛОСОФИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Т. В. Досюкова*

Философский метод науки уголовного права: постановка проблемы

В настоящее время в отечественной правовой культуре происходит переоценка роли уголовного права в регулировании и развитии социально-экономических отношений. По мнению А. В. Наумова, оценка этой роли у нас всегда была явно завышенной¹. Поиску истинного места уголовного права и определения его роли в развитии общества в деле формирования новых политических и экономических структур должна помочь уголовно-правовая наука. Однако, будучи системой уголовно-правовых взглядов, идей, представлений об уголовном законе, его социальной обусловленности и эффективности, закономерностях и тенденциях его развития и совершенствования, о принципах уголовного права, об истории уголовного права и перспективах его развития, о зарубежном уголовном праве, наука уголовного права претерпевает серьезные изменения. В частности, происходит пересмотр идеологической основы уголовно-правовой науки как неотъемлемой части ее методологии. Отказ от приоритета классовых интересов и ценностей, повлиявшего на содержание советского уголовного права, и признание приоритета общечеловеческих ценностей оказались довольно трудным, болезненным, но необходимым процессом.

Переоценки и дальнейшей серьезной разработки требует, на наш взгляд, и методология науки уголовного права как составной части юридической науки. Процесс научного исследования осуществляется всегда на основе исторически выработанных методов. Как известно, методология – это учение о методах познания и преобразования действительности. Метод – это система регулятивных принципов преобразующей, практической или познавательной, теоретической деятельности. В частности, в науке – это способы исследования и изложения материала. Методика – это конкретные приемы, средства получения и обработки фактического материала. Методика производна от методологических принципов и основана на них². Выбор и применение методов и различных методик исследовательской работы предопределяются и вытекают из природы изучаемого явления, из задач, которые ставит перед собой исследователь.

* Доцент кафедры уголовного права и криминологии Саратовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

1 См.: Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций в 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 29.

2 См.: Спиркин А. Г. Философия : учеб. М., 2000. С. 496.

Метод, формируясь в практике прошлого исследования, выступает как исходный пункт последующих исследований, как объединяющее начало практики и теории. Он находится в неразрывном единстве с теорией: любая система объективного знания может стать методом. В науке метод часто определяет судьбу исследования.

Решение разнообразных конкретных задач предполагает в качестве необходимого условия некоторые общие философские методы. Их отличительная особенность — универсальность. Философские методы являются приемами исследования объектов с точки зрения раскрытия в них всеобщих законов движения, развития. К общим философским методам относятся законы и категории диалектики, наблюдение и эксперимент, сравнение, анализ и синтез, индукция и дедукция и т. д.

Однако в науке уголовного права исследователи говорят не о «философских методах», а о «философском методе» (в единственном числе), хотя в исследованиях используются и остальные названные методы. Иногда философский метод называют только диалектическим, а «философский» дается в скобках, как бы поясняя, что... Кстати, что? Что диалектический метод и является философским, и эти два понятия — синонимы? Что из философии в качестве метода познания для нужд науки уголовного права взята только диалектика? Что, наоборот, из диалектического метода взят только метод философский? И почему в обязательном разделе введения диссертаций, как кандидатских, так и докторских, и авторефератов «Методология и методика исследования» ученые-соискатели, хотя и указывают «общеметодологический подход» в качестве основы своего исследования, но все по-разному определяют, что же им является? Например, «универсальный диалектический метод»³, «положения материалистической диалектики как всеобщий метод исследования»⁴, «диалектический метод — основной способ объективного и всестороннего научного познания объективного мира»⁵, «общеметодологический диалектический подход»⁶, «метод диалектического познания»⁷, «совокупность философских знаний, определяющая систему современных подходов к теории познания явлений»⁸ и т. д. Такое разнообразие имеет место только в некоторых, взятых наугад авторефератах кандидатских диссертаций последнего времени. Если посмотреть большее количество работ, то палитра определений исполь-

³ См.: *Галстян И. Ш.* Освобождение от уголовной ответственности в связи с положительным постпреступным поведением виновного : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 7.

⁴ См.: *Моисеенко М. И.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика терроризма (по материалам Южного федерального округа России) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006. С. 5.

⁵ См.: *Узбеков Ф. А.* Уголовно-правовые аспекты ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 6–7.

⁶ См.: *Семченков И. П.* Объект преступления: социально-философские и методологические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 6.

⁷ См.: *Петрянин А. В.* Ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2003. С. 6.

⁸ См.: *Нальгиев Р. К.* Преступные нарушения таможенного законодательства: понятие, уголовно-правовой анализ, проблемы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 7.

зованного «общенаучного метода познания» окажется гораздо богаче. О чем говорит такое разнообразие? О том, что каждый автор для своего исследования выбирает из философского (или диалектического?) метода только то, что ему необходимо, или о недопонимании, что представляет собой этот метод?

Для ответа на поставленные вопросы необходимо, на наш взгляд, особое исследование философского метода, применяемого в науке уголовного права. Тем более что такого отдельного, самостоятельного исследования пока не предпринималось.

На неудачные или не всегда удачные попытки использования философского метода в уголовно-правовой науке указывает А. В. Наумов, правда, тоже сужая рамки вопроса и ведя речь лишь о методе диалектическом. Критикуя советское уголовное право, автор совершенно справедливо, на наш взгляд, подчеркивает, что хотя «любой курс или учебник советского уголовного права привычно начинал изложение методологии своей науки с объявления самым главным и всеобщим методом диалектического материализма», тем не менее «какого-либо осязаемого позитивного влияния на развитие советской уголовно-правовой науки этот метод не оказал», поскольку «единственное его назначение было вполне традиционно: он служил основой доказательства классовой противоположности советского уголовного права буржуазному уголовному праву»⁹.

Автор убедительно показывает, что «незавидная судьба диалектического метода в советской уголовно-правовой науке (как и вообще в советском правоведении) имеет и свое собственное методологическое (философское) обоснование. <...> Диалектика, рожденная Гегелем как диалектика идей, была превращена марксизмом в диалектику природы и общества, в диалектический материализм. Причины такого превращения вполне понятны – это стремление подчинить философское учение практическим интересам революционной борьбы»¹⁰. В результате «в арсенале уголовно-правовой науки оказались лишь категории необходимости и случайности, а также причины и следствия (при анализе причинной связи)»¹¹. Другие категории диалектики еще ждут своего исследования.

Большое значение в уголовно-правовой науке имеют законы диалектики – закон единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество, отрицание отрицания. Правда, эти законы использовались в юриспруденции однобоко, на что также обратил внимание А. В. Наумов: «...Как и в общей философской литературе, в юриспруденции внимание заострялось на борьбе противоположностей, тогда как диалектика предполагает и их единство. Делался упор на едва ли необязательном революционном преодолении противоречий, хотя диалектика не отрицает и роли эволюционных процессов. Преувеличивалось отрицание как таковое и, напротив, принижалось или даже игнорировалось то, что диалектическое отрицание предполагает и преемственность, связь нового со старым, своего рода повторяемость некоторых свойств низших стадий на высшей стадии развития»¹².

⁹ Наумов А. В. Указ. соч. С. 34.

¹⁰ Там же. С. 35.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Согласно Философскому энциклопедическому словарю диалектика произошла от греческого слова *dialektikē* [téchne], что означает искусство вести беседу. Первоначально она означала искусство аргументации, науку логики. Со временем у разных философов понятие диалектики наполнялось своим содержанием. Для Сократа диалектика — искусство вести беседу с целью выявления понятий, для Платона — высшая наука, метод познания идей, у софистов диалектика превратилась в интеллектуальное оружие в борьбе за существование. Начиная со Средних веков и до XVIII века диалектика служила обозначением для обычной (школьной) логики. Кант понимал под диалектикой псевдофилософствование и называл ее «диалектикой иллюзий». Для Гегеля диалектика представляла собой использование в науке закономерности, заключенной в природе мышления, и в то же время — саму закономерность. Диалектика виделась ему как движение, которое лежит в основе всего, как подлинно духовная действительность и в то же время — движение человеческого мышления. Для марксистского диалектического материализма диалектика представляла собой, прежде всего, внутреннюю закономерность экономического развития и, поскольку от последнего зависит все остальное, закономерность всего происходящего вообще¹³.

Кроме диалектических, в уголовно-правовой науке применяются и другие философские категории. Особенно ярко проявляется использование различных философских понятий при квалификации преступлений как оценочно-познавательном процессе. В процессе квалификации используются такие категории, как сущность и явление, абстрактное и конкретное, содержание и форма, общее, особенное и единичное, количество и качество и т. д. Например, категориями «сущность» и «явление» мы пользуемся, когда говорим о реальном факте совершения общественно опасного деяния, и затем даем этому деянию уголовно-правовую оценку с точки зрения уголовного закона. Здесь деяние выступает явлением, а оценка этого деяния в качестве преступления (по соответствующим четырем признакам) — сущностью. Категории «конкретное» и «абстрактное» используются, когда говорим о преступлении: преступление вообще (общественно опасное, противоправное, виновное и наказуемое деяние) — это абстрактное понятие, а убийство, кража, разбой, грабеж и т. д. — конкретное. Категории «содержание» и «форма» используются при применении уголовного закона: статья УК — форма, а находящаяся в ней уголовно-правовая норма — содержание. При определении родового, видового и непосредственного объектов преступного посягательства используются категории «общее», «особенное», «единичное». Категории «количество» и «качество» применяются при определении общественной опасности деяния как необходимого признака преступления: мы говорим о качественной ее характеристике — характере и о количественной — степени общественной опасности. В уголовном праве используются и такие категории, как «часть» и «целое», «система». Понятия «форма» и «содержание» дополняются дефиницией «структура», когда мы говорим о структуре уголовно-правовой нормы или о структуре уголовного закона в целом. Используются и многие другие философские категории.

¹³ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 2002. С. 134–135.

В настоящее время, как это ни странно, становится актуальным, казалось бы, решенный вопрос о том, что первично — материя или идея, бытие или сознание? По крайней мере, почти не осталось людей, не соглашающихся с тем, что мысль (сознание) серьезным образом влияет на материальные события (материю). Представляет интерес полемика, развернувшаяся в 2001 г. в журнале «Российская юстиция» по вопросу, могут ли быть субъектом преступления «темные силы»¹⁴. Речь шла о воздействии «колдунов», «экстрасенсов», «целителей» с помощью «темных сил», «бесов», «духов» на других людей с целью причинить последним вред здоровью, не поддающийся установлению и лечению методами традиционной медицины. Вопрос отнюдь не праздный. При этом статья Н. Китаева, планировавшая, по-видимому, опровергнуть точку зрения автора первой статьи — А. Куприянова, в результате подтверждает объективную реальность существования людей с паранормальными способностями, которые используются во вред. Н. Китаев, возражая А. Куприянову, ставящему вопрос о привлечении к уголовной ответственности подобного рода «колдунов» (правда, пока не определившись, в качестве кого — исполнителя или соучастника: подстрекателя или организатора «темных сил»), утверждает о возможности противостоять негативному влиянию последним при условии полного отсутствия веры в колдовство, так как, по его мнению, психологические приемы колдунов могут повредить лишь тому, кто сам верит в такую возможность.

Мы не будем включаться сейчас в указанную выше полемику, поскольку она приведена нами с одной лишь целью — показать, что вопрос о материи и сознании пока не решен. Как ранее говорилось, до настоящего времени уголовное право использовало метод лишь диалектического материализма. Именно этот метод позволяет раскрывать преступления, поскольку любое преступление оставляет следы, пусть иногда и микроскопические, нынешнее развитие науки позволяет выявить и закрепить в качестве вещественных доказательств и их. Однако не меньшее значение для расследования преступления имеет и идеальное — когда речь идет о субъективной стороне преступления.

Вина, мотив, цель, эмоциональное состояние преступника — это не материальные признаки, но без них нет состава преступления. Установить их можно только отчасти по объективным следам преступления (например, множественные ножевые ранения на трупе как минимум свидетельствуют об умышленной форме вины). В основном же вина, особенно ее виды, устанавливается в ходе допросов самого субъекта преступления. До этого момента субъективная сторона преступления представляет собой кантовскую «вещь в себе». Нужно с сожалением заметить, что в правоприменительных документах описанию субъективной стороны практически не уделяется внимания. Максимум, что указано в описательной части, это сразу форма вины, а иногда и ее вид, как будто бы они уже установлены. Например, «Такой-то, имея прямой умысел на хищение, проник в квартиру...», причем в деле доказательств, свидетельствующих об умысле, не содержится. В некоторых случаях с краткостью подобного рода еще

¹⁴ См.: Куприянов А. «Темные силы» как субъект преступления // Российская юстиция. 2001. № 8; Китаев Н. Магия и право: мифы и действительность // Российская юстиция. 2001. № 12.

можно как-то смириться. Но когда речь идет о преступлениях, квалификация которых напрямую зависит от формы вины (преступления, связанные с причинением смерти или вреда здоровью) или ее вида (небрежное хранение огнестрельного оружия), отсутствие в описательной части подробного анализа последней недопустимо.

Без глубокого исследования сознательно-волевых процессов психики субъекта преступления (кстати, субъект — тоже философская категория, наряду с малоизученным наукой уголовным правом объектом преступления) невозможно решить вопрос о противодействии отдельным преступлениям и преступности в целом.

Преступность и причины преступности исследуются наукой криминологии. Однако до сих пор нет ответа на вопросы: что это за феномен — преступление? Что побуждает людей совершать преступление? Каковы его основные источники и причины? Есть ли эффективные способы борьбы с ним, если есть, то каковы они? Не найдя ответов на эти вопросы у криминологов и социологов, известный ученый, профессор, академик Академии естественных наук РФ Э. А. Поздняков, не являясь юристом, предпринял попытку сам ответить на них в своем труде «Философия преступления»¹⁵. Пожалуй, можно расценить эту работу как упрек нам, юристам, которые к философии прибегают в основном только когда нужно выяснить природу какого-либо понятия или, хуже, когда нужно указать диалектический метод в разделе «Методология и методика исследования» в качестве якобы использовавшегося в диссертационном исследовании.

В настоящее время все чаще ученые, в основном криминологи, отказываются от термина «борьба» по отношению к преступности. Один из аргументов выражается в том, что в борьбе предполагается победитель, а время показало, что преступность как явление победить невозможно. В связи с этим предлагается замена слова «борьба» понятием «воздействие» на преступность, «контроль» преступности или даже «реагирование» на нее. Почему тогда не «рефлексия»? Очень даже логично свести воздействие (отрицательное или положительное) на преступность или контроль преступности, или реакцию на нее до примитивного рефлекса на преступность. Тогда вообще правоохранительным органам делать будет нечего: максимум — зарегистрировать преступление и устно посочувствовать потерпевшему. Вопрос о терминологических изысках даже не возник бы, если бы правильно применялся философский метод.

Философия стремится постигнуть самое значимое, наиболее общее во всем, что существует, самое важное в человеческой и для человеческой жизни. Философский метод подразумевает поиск в любом явлении сущности, главного. Еще Козьма Прутков сформулировал поистине философский афоризм — «Зри в корень». Начиная с софистов и Сократа (470—399 гг. до н. э.), философия впервые формулирует основной мировоззренческий вопрос как вопрос об отношении субъекта к объекту, духа к природе, мышления к бытию. С этой позиции преступление — это также отношение субъекта к объекту. Совершение преступления — это демонстрация своего негативно-отрицательного, пренебрежительного отношения человека к охраняемым уголовным законом интересам, общественным отношениям. А, как известно, уголовный закон, будучи крайней репрессивной мерой государ-

¹⁵ См.: Поздняков Э. А. Философия преступления. М., 2001.

ства, охраняет самые важные ценности. Отсюда стоит задуматься и ответить на простой вопрос: преступление и преступность — это добро или зло? Если признаем, что преступление и преступность — это зло, а законопослушность — добро, то мы выходим на традиционную, вечную борьбу добра со злом. Добро не «воздействует» на зло и не «реагирует» на него. Существует борьба добра со злом. И никого не смущает, что эта борьба вечна, что в ней не может быть победителя, так как эти две философские категории парны: одно не может существовать без другого. Здесь действует закон единства и борьбы противоположностей. С этой позиции с преступностью как со злом надо именно бороться, не давать ей разрастись до таких пределов, когда преступное поведение станет нормой, добрым делом, а законопослушность превратится во зло. Все остальные предлагаемые понятия подразумевают двойственность толкования: и воздействие, и контроль, и реагирование предполагают не только деятельность по устранению преступных проявлений, но и одобрение преступности. Такой двойственности понимания отношения государства в лице его правоохранительных органов к преступности быть не должно.

Метод (от греч. *methodos* — путь, исследование, прослеживание) — способ достижения определенной цели, совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения действительности. В области науки метод есть путь познания, который исследователь прокладывает к своему предмету, руководствуясь своей гипотезой. Философия как основополагающая наука дает исследователю средство проверить, подходит ли вообще избранный метод для достижения поставленной цели и последовательно ли использует он этот метод в ходе работы¹⁶. Философский метод в уголовном праве — один из основополагающих методов исследования, однако этот метод сам требует научной разработки, своего дальнейшего философского осмысления и более широкого применения в научных исследованиях.

¹⁶ См.: Философский энциклопедический словарь. С. 266.